

УДК 398.22

doi: 10.18101/1994-0866-2017-3-209-214

## ДЖ. КУРТИН: ПУТЬ К БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОМУ ФОЛЬКЛОРУ

© *Дугаров Баир Сономович*

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: khairkhan@mail.ru

В статье дается разностороннее описание путешествия по Восточной Сибири в 1900 г. американского этнографа Дж. Куртина, собравшего уникальный материал по фольклору и этнографии бурят, связанный с шаманским наследием прошлого. Привлекают внимание переведенные с английского языка выдержки из путевых записей ученого, свидетельствующие о его широком исследовательском кругозоре и живом интересе к бурятской действительности того времени. Приводится характеристика вклада Дж. Куртина в бурятоведение и оценка его роли как первооткрывателя бурятской мифологии и эпоса на Западе, впервые познакомившего англоязычный мир с Гэсэриадой монгольских народов по архаичной эхирит-булагатской версии, записанной от сказителя М. Имегенова.

**Ключевые слова:** мифология; эпос; фольклорная традиция; шаманизм; сказитель; буряты; монгольские народы.

Американский ученый Дж. Куртин (1835–1906) известен на Западе как крупный этнограф, лингвист и полиглот. Он автор многочисленных публикаций по мифологии и фольклору североамериканских индейцев, ирландцев, славян, венгров и других этносов, что свидетельствует о широте его научного кругозора. Вместе с тем Дж. Куртин питал большой интерес к истории монголов, что составляет особую страницу в биографии ученого. Дело в том, что после окончания Гарвардского университета молодому Куртину представилась возможность поработать в должности секретаря посольства США в Санкт-Петербурге с 1864 по 1870 г. Именно в этот период своей жизни Дж. Куртин увлекся эпохой татаро-монгольского ига в России, а затем историей и самих монголов.

Надо полагать, что многолетнее увлечение историей знаменитых кочевников, создавших в свое время огромную империю, побудило уже немолодого Дж. Куртина в возрасте 65 лет отправиться в далекое и трудное путешествие к истокам исторической прародины монголов, к пределам «той части Сибири, откуда берет свое начало род Чингисхана», как пишет об этом сам автор [1, р. 3]. Выбор Дж. Куртина остановился на Прибайкалье, так как, по его мнению, «буряты, живущие к западу от Байкала, и те буряты, населяющие священный остров Ольхон, — это единственные монголы, которые сохранили свою собственную родоплеменную религию, архаические верования и философию. Поэтому они представляют большой интерес для науки» [1, р. 1]. Из этих слов видно, что американского путешественника интересовало все то, что было связано с шаманским наследием прошлого, прежде всего мифология и эпос. При поездке в Сибирь он руководствовался стремлением узнать

больше о древней культуре монголов, которая, по его представлениям, могла сохраниться среди бурят в наиболее чистой и первозданной форме.

Куртин прибыл в Иркутск 9 июля 1900 г. После нескольких недель приготовления он предпринял свою экспедицию к бурятам, длившуюся с 23 июля по 15 сентября. Общение Куртина с окружающими его людьми облегчалось хорошим знанием им русского языка. Сам Куртин пытался заняться изучением бурятского языка, но предпочел, в силу ограниченности во времени, воспользоваться переводческими услугами прежде всего Василия Михайлова (Vassya Andreyevich, как его называет путешественник), сына зажиточного и грамотного буряты, кудинского родового старосты Андрея Михайлова. Следует сказать, что в лице этого любознательного юноши, в ту пору учащегося Иркутской классической гимназии, но уже зарекомендовавшего себя знатоком бурятской старины, Куртин обрел толкового помощника. Впоследствии В. А. Михайлов (1882–1925) проявил себя в бурятоведении, участвовал в экспедициях Б. Э. Петри, им написан уникальный труд «Религиозная мифология», увидевший свет только в 1996 г. Не будет преувеличением сказать, что американский путешественник во многом обязан ему интересными этнографическими и фольклорными материалами, собранными с его помощью у бурят.

Путешествие Куртина по бурятским землям продолжалось около двух месяцев и охватило территорию расселения эхирит-булагатов, обитающих на западной стороне озера Байкал (бывший Усть-Ордынский Бурятский автономный округ), и остров Ольхон, которые входили в состав Иркутской области. Во время своей экспедиции американский ученый знакомился с образом жизни, обычаями, верованиями и фольклором местных жителей. Эхирит-булагатские буряты, по мнению Куртина, сохранили в пережиточной форме традиции «допадушеской охотничьей и собирательской культуры», и это давало повод ему верить, что они более определенно воплощают древнюю монгольскую культуру и монгольское общество, как это могло существовать до и во времена Чингисхана.

Какие значительные наблюдения были сделаны Куртином в течение его путешествия в усть-ордынский регион? Начало 20-го столетия, которое Куртин застал в Сибири, было временем социальных перемен и брожений среди бурят. Хотя многие из молодых, такие как Василий Михайлов, бывший переводчиком Куртина, подверглись секуляризации и русификации в образе мышления, тем не менее оставалось множество стариков и шаманов, которые все еще помнили древние традиции.

Записи Куртина показывают, что русские и другие национальности начинают «внедряться» в этот преимущественно бурятский регион. Этот фактор вносил определенные трудности при сборе информации. Хотя многие представители некоренной национальности были очень открыты для разговоров, сами же буряты в этом плане вели себя неоднозначно. Куртину приходилось сталкиваться со случаями сильного сопротивления и подозрения со стороны некоторых из них, когда он расспрашивал о бурятской культуре. В то же время были и такие, как сказитель Маншут Имегенов и другие, которые без утайки рассказывали о бурятских верованиях и обычаях и разрешали фотографировать их онгоны.

Снова и снова Куртин отмечает, что старые традиции забываются и нечего записывать. Это сопротивление, которое встречал Куртин, вероятно, исходило из представления бурят о том, что европейцы не могут понимать и почитать ценности и истины, в которые сами буряты верили. (С подобной проблемой сталкивались американские антропологи, когда пытались записывать фольклор американских индейцев). С другой стороны, исследования самих бурятских фольклористов и этнографов, бывших современниками Куртина или живших чуть позже, — например, Хангалов, Михайлов, Жамцарано, Санжеев — показывают, что старинные традиции не были забыты, не утрачены они даже и сегодня.

Записи Дж. Куртина отличаются повествовательным стилем. Путевые заметки свидетельствуют о живом интересе ко всему, с чем пришлось путешественнику столкнуться во время своей бурятской одиссеи. Он описывает дорожные происшествия и впечатления, не упуская деталей и обращая внимание на такие темы и объекты, как почтовые станции, миссионерская церковь, сибирские ссыльные, адаптировавшиеся в бурятской среде, конные скачки, извозчик с заячьей губой, бурятские собаки, ослы из Асуана, монгольские лошади, распутство молодых девушек, живописные наряды русских женщин, климат в Сибири и т. п. Судя по записям, автор сравнительно легко, не без чувства юмора, переносит бытовые тяготы своего путешествия. (В качестве примера можно привести любопытное описание его ночлега в гостевой комнате в Верхнем Кудинске, сопровождавшегося «битвой» с тараканами). Интересно рассказывает Куртин о собственном дне рождения — 6 сентября, который застал его в пути во время поисков знатоков бурятской старины [1, р. 87–89]. В этом личностном эпизоде наглядно проявился характер Куртина как пытливого ученого-этнографа и фольклориста и вместе с тем человека, оптимистически воспринимающего жизнь.

Основой путевых заметок Дж. Куртина служат, прежде всего, встречи с бурятами, с которыми он тесно общался на протяжении всей своей экспедиции. Живые зарисовки быта бурят начала 20-го столетия, сделанные им, можно отнести к несомненным достоинствам беллетристского дара автора. В то же время описания бурятских обычаев, таких как проведение свадьбы, обряды по случаю рождения ребенка, похоронные церемонии, пища и питье, приготовление тарасуна, также как и другие этнографические наблюдения, красноречиво свидетельствуют о широком исследовательском спектре научных интересов Дж. Куртина.

Значительное место в путевых записях Дж. Куртина занимает описание религиозных взглядов бурят, связанных с шаманизмом и культом предков. Он подробно записывает сведения о шаманах, в частности, уделяет внимание обряду посвящения в шаманы и описанию священных деревьев и пещер. Также приводит фрагменты шаманского фольклора, повествующие о происхождении шаманов, и некоторые молитвенные тексты. Дж. Куртина как исследователю повезло лично присутствовать на подготовке и проведении обряда жертвоприношения лошади: описание подробностей этого ритуала является уникальным для бурятской этнографии. Ценной является и информация о бурятских онгонах, почитание которых имеет глубокие корни в ре-

лигиозных представлениях бурят. Куртин со свойственной ему наблюдательностью отмечает, что онгоны подразделяются на домашних и внешних, имеющих свою сакральную территорию для их размещения.

Не обходит он своим вниманием и представителей пантеона небесных божеств — бурятских богов, среди которых ведущей фигурой считается Эсэгэ Малан тэнгри. В эхирит-булагатском мифе он предстает божеством-демиургом, сотворившим землю, небесные светила и все живые существа, и поручившим небесным божествам управлять Вселенной и человеческим родом, придерживаясь космического порядка и строгих обычаев [1, р. 121]. Записи Дж. Куртина также расширяют представление об образе Эсэгэ Малана как прародителя и покровителя эпического героя — демоноборца Гэсэра.

Интересно упоминание в божественном пантеоне бурят так называемых птичьих богов, локализирующихся на юго-западе. Многие из них принимают вид лебедей, отличающихся «весьма благосклонным отношением к хорошим людям». В честь этих божеств орнитоморфного происхождения каждый год дважды совершаются обряды подношения: весной преподносятся кобылье молоко, чай, просо и табак, а осенью — валух [1, р. 122]. Эти сведения Дж. Куртина дополняют представление об обрядовой практике бурятского шаманизма, известной по работам М. Н. Хангалова и других бурятских этнографов.

Также ценным представляется мифологический сюжет, связанный с персонажем зооморфного происхождения — Мудрым Ежом (Заряя Азарга) и распространенный среди различных этнических групп бурят. Запись Дж. Куртина [1, р. 124–126] свидетельствует, что Заряя Азарга был известен и в эхирит-булагатской традиции, где он фигурирует как советник богов, помогающий восстановить космический порядок, и причисляется к сонму божеств в качестве мудрейшего из них.

Основную часть полевых записей Куртина составляют архаические мифы, связанные с бурят-монгольским тэнгризмом, и фольклорные произведения. Ученым записано восемь улигеров в прозаическом пересказе: «Бурулдай Богдо хан» (два варианта), «Шарай», «Хункувай и конь с круглой головой», «Вархан Тулай хубун», «Алтан Шагай», «Еренте хан и его сын Сокто», «Аламалжин и его сестра-близнец», «Братья-близнецы Алтай Шагай и Мунгун Шагай». Отметим, что первые четыре из вышеназванных сказаний совершенно неизвестны в бурятской фольклористике.

Центральное место в фольклорном собрании Куртина занимают записи эпоса «Гэсэр Богдо», которые вместе со сказаниями о Айроне и Ошир Богдо образуют своеобразную трилогию, не имеющую аналога в истории Гэсэриады. Эта эпопея о Гэсэре была записана от Маншута Имегенова (1849–1909), сказителя, обладавшего феноменальной памятью. Кроме того, Куртин поместил в своей книге его единственную прижизненную фотографию.

Описания поисков Маншута — «мудреца с древними знаниями» — и встречи с ним представляют увлекательную страницу в путевых записях Куртина. Ученому удалось «обнаружить» сказителя в его родном селении Кукуните и привезти в Усть-Орду, где в течение четырех дней (с 7 по 10 сентября) он пробыл у него. Это был наиболее значительный и продуктивный период у Куртина

за время его пребывания среди бурят, так как ему удалось записать от М. Имегенова несколько больших улигеров, включая «Еренсей», «Аламжи Мэргэн» и, конечно, «Абай Гэсэр хубун». Так, благодаря Куртину до нас дошла впервые им записанная наиболее архаичная и самобытная версия бурят-монгольской Гэсэриады, известная в фольклористике как эхирит-булагатская.

Следует уточнить, что полноценным достоянием монголоведческой науки эта эпопея стала благодаря записям и публикации Ц. Жамцарано. Он в 1906 г., шесть лет спустя после Дж. Куртина, посетил М. Имегенова и записал от него в научной транскрипции наиболее полный текст «Гэсэра» на бурятском языке и опубликовал в 1930 г. в Ленинграде под названием «Гэсэр Богдо» в первом выпуске академической серии «Образцы народной словесности монгольских племен». Что же касается научного уровня фиксации самих текстов, тут, конечно, приоритет за записями Жамцарано, поскольку он в совершенстве владел бурятским языком и имел большой опыт в собирании родного фольклора. Это позволяло ему записывать эпос в присущей бурятской традиции оригинальной поэтической форме. Куртин же вынужден был использовать переводчика при записывании фольклорного текста: при этом происходил как бы двойной перевод: сначала с бурятского на русский, а затем на английский язык. В результате сложился прозаический пересказ содержания эпоса, который, надо признать, сохранил достаточную близость к канве бурятского оригинала. В пользу этого свидетельствует сравнение вариантов «Гэсэра», записанных Куртином и Жамцарано и обнаруживающих почти адекватное сюжетно-тематическое сходство.

При всем критическом отношении к записям Куртина, они тем не менее являются первым письменным свидетельством бытования эхирит-булагатской версии эпоса «Гэсэр», а сам факт существования этих записей представляет интерес для фольклористики. Примечательно, что Н. О. Шаракшинова, известный бурятский фольклорист и гэсэровед, ввела в научный оборот понятие «эхирит-булагатская версия Куртина», тем самым воздав должное ученому, внесшему ценный вклад в изучение бурятского фольклора [2, с. 36].

В заключение отметим, что все фольклорные и этнографические материалы, собранные Дж. Куртином во время поездки к иркутским бурятам, а также его путевые записи составили отдельную книгу «A Journey in Southern Siberia: The Mongols, their Religion, and their Myths» (Путешествие в Южную Сибирь: монголы, их религия и их мифы), увидевшую свет в Бостоне в 1909 г. и выдержавшую несколько переизданий. Этот труд является по своему уникальным источником сведений об этнокультурной традиции бурят, особенно по фольклору и мифологии. Безусловно, Дж. Куртин заслуживает особого признания и как первооткрыватель эхирит-булагатской версии Гэсэриады в исполнении М. Имегенова, открывший для Запада этот оригинальный эпический памятник монгольских народов.

#### *Литература*

1. Curtin Jeremiah. A Journey in Southern Siberia: The Mongols, their Religion, and their Myths. New York, 1971. 319 p.
2. Шаракшинова Н. О. Героический эпос о Гэсэре. — Иркутск, 1969. — 348 с.

## JEREMIAH CURTIN: A PATH TO THE BURYAT-MONGOLIAN FOLKLORE

*Bair S. Dugarov*

Dr. Sci (Phil.), A/Prof., Leading Researcher, Department of Literature and Folklore,  
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS  
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

The article gives a comprehensive description of American anthropologist Jeremiah Curtin's journey through Eastern Siberia in 1900. He collected the unique material on folklore and ethnography of Buryats, their shamanic legacy. Attention is drawn to the extracts from the scientist's travel notes translated from English, which show his wide research horizon and keen interest in the Buryat reality of that time. We have analyzed the contribution of J. Curtin to Buryat studies and evaluation of his role as a discoverer of Buryat mythology and epic in the West. He first introduced the Mongolian Geseriade in its archaic Ekhirit-Bulagat version, recorded from the narrator M. Imegenov, to the English-speaking world.

*Keywords:* mythology; epic; folk tradition; shamanism; narrator; Buryats; Mongolian peoples.